

Переславские робинзоны

Жаркое июльское солнце заливает белокаменные стены Переславля-Залесского. Совсем как в сказке «блещут маковки церквей и святых монастырей». И как грибы после дождя, распускаются возле древних монастырских стен огромные белые зонты. Под их благодатной сенью трудятся не покладая рук обитатели переславского Дома творчества — художники, направленные сюда для работы над своими полотнами областными творческими союзами.

Обилие художников под зонтами и художников без зонтов, усеявших подножие монастырского холма, как трудолюбивые пчёлы блюдце из-под мёда, — это было первое, что поразило нас в Переславле. Мы были не в силах скрыть своё удивление перед этим массовым художническим экстазом и задали вопрос живописцу, сидевшему под самым большим зонтом:

— И все пишут монастырь?

— А как же! — сказал он, и в голосе его прозвучала тихая гордость. — Вы бы посмотрели, что здесь творилось позавчера! Яблоку негде было упасть!

И, воздав хвалу древним русским зодчим, он углубился в прерванную работу. А мы, лавируя между зонтами, вошли в ворота монастыря, где помещается краеведческий музей.

«Переславль-Залесский в творчестве советских художников» — так называется специальный раздел музея. Нам рассказали, что пополняется он в основном за счёт работ, приносимых в дар местному краеведению живущими в Доме творчества живописцами. Минувя макеты курных изб и кольчуги времён Ивана Грозного, мы устремились прямо туда. И снова замелькали перед нами те же стены и ворота, башни и звонницы, купола и опять стены — летом и зимой, при вечернем и дневном освещении, дальним и крупным планом. Сотрудники музея поведали о своей мечте — расширить экспозицию указанного раздела. Мы вспомнили прилежание, с которым художники под зонтами выписывали монастырские ракурсы, и поняли, что мечта эта, конечно же, осуществится с лёгкостью.

С уважением, почти с трепетом рассказывают в Доме творчества об одном молодом художнике, который целиком посвятил себя воспроизведению на полотне древней архитектуры. Художники убеждены, что он оказывает бесценную услугу потомкам. Но, как ни прекрасны храмы и монастыри, неужели только они могут взволновать молодого и, быть может, талантливого живописца!

Впрочем, из бесед с художниками, населяющими Дом творчества, выяснилось, что отнюдь не все одержимы такой лихорадочной страстью к древнерусской экзотике. Всё дело, оказывается, в том, что в Переславле, в сущности, нечего больше писать!

Почему-то так уж повелось, что художник, побывав в самой гуще жизни и выбрав волнующую его тему, для работы над картиной уединяется, как Робинзон, в неприступных стенах Дома творчества. Эти дома, как правило, расположены в тихих местах вроде Переславля. А поскольку художник не может жить, не обогащаясь новыми и новыми впечатлениями, коллекция краеведческого музея и запасники художников непрестанно пополняются новыми и новыми... монастырскими этюдами.

Пора вырвать творческие базы из тепличной тиши и уединения Переславля и Сенежа, пора поместить их там, где идёт битва за семилетку, где каждый день и час художник будет полон вдохновенным служением современности. Лёгкие деревянные постройки, может быть, даже палатки — где-нибудь на ревущей Ангаре или среди неоглядного моря целинных хлебов... Сердце художника должно биться там, где бьётся сердце народа. И художники наверняка согласятся с нами! Впрочем, может быть, Художественный фонд РСФСР придерживается иной точки зрения?